

К вопросу об этничности населения фронтальных территорий (на материалах о-ва Сахалин)¹

Жанна Михайловна Баженова,

кандидат исторических наук, учёный секретарь Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: bjannam@mail.ru

Галина Геннадьевна Ермак,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. отделом этнографии, этнологии, антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: gaermak@yandex.ru

Статья посвящена особенностям этничности населения фронтальной территории о. Сахалин. Цель исследования — выявление референтных маркеров этничности у представителей культурно сложных семей, имеющих в своём составе японцев, корейцев и русских. Для этого на основе данных опубликованных источников и материалов исследовательских интервью были проанализированы особенности формирования полиэтничного населения Сахалина, а также брачное поведение и некоторые аспекты внутрисемейных отношений японцев и корейцев, проживавших на Сахалине на разных исторических этапах. Основой для интерпретации эмпирического материала стали теория фронта и положение об этничности как одной из форм идентичности, которая может иметь как единичный, так и множественный характер. В результате было выявлено, что для людей, происходящих из этнически смешанных браков корейцев, японцев и русских, характерна сложная структура самоидентификации. Своей «базовой» идентичностью они чаще выбирают корейскую, поскольку в силу малочисленности японской общины вся их социализация проходила в корейской мезо- и российской макросреде. Однако некоторые не отрицают и своей «японскости», особенно если поддерживают постоянную связь с родственниками, проживающими в Японии. Вместе с тем потомки сахалинских японцев и корейцев, прожившие всю жизнь в России, считают себя россиянами, носителями «российского» менталитета. Исследование показало, что этничность как форма идентичности

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-509-51001 НИФ_а «„Малая Восточная Азия“ на Дальнем Востоке России: исторический опыт и современные проблемы этнокультурного сосуществования россиян и мигрантов из Восточной Азии».

у представителей культурно сложных семей о. Сахалин имеет ярко выраженный множественный и ситуативный характер. Референтными маркерами этничности для них являются не языковые и культурные отличия, а представления о «крови» родителей, этническое окружение и внешний облик.

Ключевые слова: Сахалин, Карафутто, фронтир, миграции, этничность, идентичность, брачное поведение, смешанная семья, японцы, корейцы, русские.

The Issue of Ethnicity of the Population of Frontier Territories (Case Study of Sakhalin Island).

Zhanna Bazhenova, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: bjannam@mail.ru.

Galina Ermak, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: gaermak@yandex.ru.

The paper explores the theme of the ethnicity in frontier territories of Sakhalin island. The main purpose of the study was to identify key markers of the ethnic identity in the multicultural families with Japanese, Korean and Russian cultural backgrounds. The published materials and data of the open-ended interviews were used to analyze the formation of the multicultural population of Sakhalin as well as some aspects of family relations of Sakhalin's Japanese and Koreans of various historical periods. The methodological approaches include the theory of the frontier and the thesis of the formation of ethnic identity which can have both single and multiple characters. The study has revealed that the descendants of ethnically mixed families are characterized by a complex structure of self-identification. They often choose Korean identity as their "basic" identity because due to a small size of the Japanese community all their socialization took place in the Korean meso- and Russian macro environment. However, some of them do not deny their Japanese identity especially those who maintain permanent relations with their relatives in Japan. At the same time, the descendants of the Sakhalin Japanese and Koreans, who have been living all their lives in Russia, consider themselves Russians and have "Russian" mentality. The research indicated that ethnic identity of the people of Sakhalin with different cultural backgrounds is characterized as multiple and situational. The key markers of their identity are not language or cultural differences but ideas about the "blood" of parents, ethnic environment and appearance.

Keywords: Sakhalin, Karafuto, frontier, migrations, ethnicity, identity, family relations, mixed family, Japanese, Koreans, Russians.

Теория фронта была сформулирована в конце XIX в. Ф.Дж. Тёрнером в рамках анализа колонизационной истории Североамериканских штатов. С этого момента данное понятие прочно вошло в гуманитарный научный дискурс, со временем приобретая разнообразную семантику, став основой для интерпретации исторических реалий самых разных государств и регионов [1; 2; 5; 17; 19; 21; 22]. В общем смысле под фронтиром подразумевается «подвижная пограничная территория между двумя

(или болеею — Ж.Б., Г.Е.) цивилизациями» [21, с. 110]. Важной характеристикой фронтальных территорий является миграционная составляющая, высокая мобильность больших групп людей, несущих новые формы культурных и социальных практик, поэтому фронт — это всегда «контактная зона, где происходит обмен разного рода социального опыта» [21, с. 107]. Можно предположить, что многие сложные этнические феномены современности, обусловленные процессами глобализации и глокализации, присутствовали на фронтальных территориях задолго до постмодерна. В данной статье авторы опираются на понимание этничности как формы идентичности, которая может иметь как единичный, так и множественный характер [10, с. 11]. Такой подход обуславливает новизну постановки проблемы, а также особый ракурс исследования, предполагающий анализ маркеров этнической идентичности через интерпретации представлений о самоидентификации у потомков от смешанных браков.

Ярким образцом фронтальной территории является Дальний Восток России — зона активного взаимодействия российской и восточноазиатских цивилизаций (Китай, Корея, Япония). Особое место в рамках данного взаимодействия занимает о. Сахалин, где столкнулись движения российского и японского фронтов. Борьба за расширение сфер влияния между Россией и Японией сопровождалась неоднократными изменениями государственной границы, проходящей по Сахалину, и, как следствие, большими миграционными волнами. Говоря о миграциях, мы имеем в виду весь их широкий спектр: добровольные, поощряемые, насильственные, а также так называемые обратные миграции — репатриации. Все они в полной мере присутствовали на Сахалине, оказывая ощутимое влияние на формирование сложной полиэтничной реальности.

Таким образом, Сахалин как фронтальная территория является прекрасным полем для исследования проблем колониальной политики, миграции, репатриации, исторической памяти, этничности и идентичности. Авторы статьи предприняли попытку обобщить полевой материал, собранный в г. Южно-Сахалинске в июне-июле 2018 г. посредством методов интервью и включённого наблюдения. Данные исследовательские инструменты позволили выявить локально-специфические особенности в представлениях об этнической самоидентификации у членов смешанных семей на о. Сахалин².

Вопросы этнической идентичности корейского населения о. Сахалин прежде уже попадали в фокус внимания отечественных и зарубежных специалистов [3; 4; 13; 14; 15]. Высоко оценивая вклад коллег, авторы статьи предпринимая попытку изменить ракурс исследования и не акцентируют внимание на этничности представителей отдельных групп, а ставят цель выявить референтные маркеры этничности у представителей культурно сложных семей фронтальной территории о. Сахалин, имеющих в своём составе японцев, корейцев и русских. Для этого на основе данных опубликованных источников и материалов исследовательских интервью анализируются

² 20 исследовательских интервью, которые хранятся в личном архиве авторов.

особенности формирования полиэтничного населения Сахалина, а также брачное поведение и некоторые аспекты внутрисемейных отношений японцев и корейцев, проживавших на острове на разных исторических этапах, и их потомков.

Санкт-Петербургский договор, подписанный Россией и Японией в 1875 г. и закрепивший за Россией государственную принадлежность Сахалина, положил начало принудительным миграциям в регионе, имевшим место с обеих сторон. Например, хорошо известны факты насильственного переселения Японией на Хоккайдо сахалинских айнов (всего 841 чел.) [27, р. 22]. Россия сделала выбор в пользу освоения острова на основе каторжного труда. В 1875—1905 гг. основным населением Российской империи на Сахалине были заключённые (настоящие и бывшие), а также чиновники. Большинство азиатских жителей составляли японцы — преимущественно сезонные рабочие, занятые в рыбной промышленности. Они вели регулярный рыболовный промысел у берегов Сахалина с начала XIX в. Географическая близость позволяла японским рыбакам возвращаться к своим семьям каждую осень, оставляя поселения и склады на южном побережье острова (особенно в заливе Анива) пустыми до следующей весны. В 1903 г. на Сахалине насчитывалось 30 японских рыболовных компаний и 99 рыбохозяйств, в которых работали 3931 чел. Ещё 35 рыбохозяйств, где трудились 3351 японских рыбаков, были учреждены под русскими именами [28, р. 48]. Например, сбор ламинарии вместе с ловлей рыбы и транспортировка их в Китай осуществлялись компанией «Семёнов, Денби и Ко» со штаб-квартирой во Владивостоке. Нехватка населения на Сахалине вынуждала владельца предприятия привозить рабочих из Владивостока. Сообщается, что в 1890-х гг. из 600 служащих данной компании 150 составляли русские, 200 — айны, 50 — корейцы, от 50 до 100 — китайцы и от 100 до 150 — японцы [28, р. 48].

Согласно Портсмутскому мирному договору 1905 г., оформившему итоги Русско-японской войны, часть Сахалина южнее 50-й параллели отошла во владение Японии в качестве колонии, известной под названием Карафуто и относившейся к категории миграционных. Главное отличие последних от колоний эксплуатационно-инвестиционного типа³ заключается в том, что в них изначально мало проживающего населения [12, с. 147]. После Русско-японской войны подавляющее большинство граждан Российской империи было репатриировано, и общее количество жителей Сахалина сократилось в 4 раза: с 40 912 чел. до примерно 10 тыс. чел. [27, р. 23]. Для развития колонии в срочном порядке привлекались переселенцы с «основной территории» Японии. Японцы (*найтидзин*) всегда составляли более 90% населения Карафуто. Второй по величине этнической группой на Карафуто являлись корейцы. Япония аннексировала Корею в 1910 г., после чего рынки труда и товаров Японской империи стали доступны местному населению. Корейцы начали мигрировать на Карафуто либо напрямую из Кореи, либо через Японию, Северный Сахалин и другие территории.

³ К ним можно отнести Тайвань и Корею, где японцы составляли хоть и политически доминирующее, но меньшинство.

Численность корейских мигрантов достигла к 1938 г. 8000 чел. С 1939 г., после введения Закона о мобилизации, корейцы стали массово прибывать на Карафуто, и к 1945 г. их было там уже больше 20 тыс. чел. По данным В.Л. Подпечникова, «по состоянию на 1 июля 1946 г. на бывшей территории губернаторства Карафуто проживало всего 305 800 человек — граждан японского подданства. По национальному составу это население распределялось следующим образом: японцев — 277 649 чел., корейцев — 27 088 чел., айнов — 406 чел., орочёнов — 288 чел., эвенков — 81 чел., нивхов — 24 чел., нанайцев — 11 чел., китайцев — 103 чел., поляков — 27 чел., русских (старопоселенцев) — 97 чел., прочих — 16 чел.» [16, с. 258]. Стоит отметить, что к «русским» относились, собственно, русские, проживавшие на Южном Сахалине ещё до Русско-японской войны, и те, кто мигрировал туда с Северного Сахалина в 1920—1925 гг. «Поляками» называли также жителей Российской империи, приехавших на остров до Русско-японской войны и отличавших себя от русских. Большинство русских и поляков были заняты в сельском хозяйстве и имели свои фермы. Способы ведения ими хозяйства более подходили для Сахалина, однако японские агрономы и фермеры за помощью к ним не обращались.

Как видим, в период существования Карафуто доминирующей этногруппой на острове были японцы, вторыми по численности — корейцы. Амбивалентность их взаимодействия не имеет однозначной оценки у исследователей. Так, тема геноцида корейцев во времена Японской империи неоднократно поднималась и зарубежными, и отечественными учёными. В частности, история сахалинских корейцев, в том числе их насильственная мобилизация, широко освещена в многочисленных публикациях А.Т. Кузина и Ю.И. Дин [3; 4; 7; 8; 9; 25]. Однако и отечественные, и зарубежные специалисты, признавая в целом принудительный характер миграций корейцев, отмечают немалое количество примеров, когда они приезжали в Японию и на Карафуто в поисках заработка или лучшей жизни. Японский учёный Накаяма Тайсё, не отрицая факта дискриминации корейцев, констатирует, что на Карафуто они не жили в закрытых этнических общинах и большинство из них были хорошо интегрированы в японское общество. Так, специальных школ для корейцев не существовало, все дети учились в японских образовательных заведениях, многие хорошо говорили по-японски. Некоторые корейцы Карафуто начали брать японские имена ещё до 1939 г., когда на Корейском полуострове это стало обязательной процедурой [27, р. 32].

На полиэтничных фронтирных территориях, как правило, в высокой степени распространены смешанные браки. На Карафуто насчитывалось немало японо-корейских семей. Из интервью с В.К. (муж., 1985 г.р.): *«Обе мои бабушки — японки, а оба деда — корейцы. Как попали на остров родители отца, точно не знаю. Но про мамину маму существует такая семейная история. Она была дочерью хирурга в Токио, из зажиточной семьи. Сюда она приехала в гости к своей подруге где-то в начале 40-х гг. А мой дед зашёл в фотостудию к своему приятелю и увидел фотографию бабушки, которую тот проявлял. На вопрос „кто это?“*

его приятель ответил, что это японцы, только сегодня приехали. Тогда дед сказал, что он на ней женится. Так и получилось, они поженились, и у них родились 7 детей» [29]. Институциональные барьеры для заключения браков между японцами и корейцами и регистрации семьи были сняты в 1921 г. после издания генерал-губернатором Кореи приказа № 99 «О процедуре заключения браков между корейцами и японцами „основной территории“» [26, р. 198]. Чаще всего заключались браки между корейскими мужчинами и японскими женщинами. В Японию и её колонии на заработки приезжали в основном молодые мужчины, которые либо оставили семью в Корее, либо были холостяками, и они искали отношений с японками. В Японии из-за мобилизации ощущался дефицит молодых мужчин, и японки в свою очередь также находились в поисках брачных партнёров. Что касается Карафуто, то в некоторых случаях японские жёны отправлялись на остров вслед за своими мужьями-корейцами, уезжавшими туда на заработки. Как, например, родители К.Х. (муж., 1945 г.р.): *«Мой отец-кореец был старшим сыном в семье и уехал в Японию на заработки. Тогда именно старшие сыновья уходили на заработки. В Японии он женился на моей матери. Потом перебрался на Сахалин, работал десятником на шахте. Случилась авария, он получил травму, и матери со мной, новорождённым, пришлось приехать, чтобы ухаживать за ним. Так здесь и остались» [29].* Браки между японками и корейцами в этот период способствовали повышению социального статуса последних.

Количество японо-корейских браков возросло к концу Тихоокеанской войны. Япония стала испытывать острый недостаток в людских ресурсах, поэтому в армию начали призывать мужчин, достигших двадцатилетнего возраста, не только из метрополии, но и из колоний. Из интервью с А.К. (жен., 1968 г.р.): *«Моя бабушка-японка приехала к мужу на Сахалин из Японии в 1942 г., уже беременная папой. Но здесь они разминулись, так как деда к тому времени призвали в армию. Бабушка осталась здесь жить, и впоследствии вышла замуж за корейца. В этом браке у неё родилось ещё четверо детей, но только мой папа является „чистым“ японцем, остальные дети бабушки — наполовину японцы. Дед потом, кстати, нашёлся, он жил в Токио, и у него была семья. Папа пытался с ними связаться, но они не пошли на контакт, так как папа был старшим сыном, и возникали проблемы с наследством. Но это типичная для Сахалина история» [29].*

С момента наступления Советской армии на Сахалине правительство Карафуто организовало экстренную эвакуацию японского населения (в основном женщин, детей и стариков), и в период 13—23 августа 1945 г. было эвакуировано около 88 тыс. чел. После установления советского военного правительства многие жители Карафуто покидали остров на рыбачьих судах и лодках. Таким образом с сентября 1945 г. и до начала официальной репатриации в декабре 1946 г. с острова бежало 24 тыс. чел. [23, р. 67]. Абсолютное же большинство японцев — 272 335 чел. гражданского населения и 8303 военнопленных — выехало с Сахалина в период первой репатриации 1946—1949 гг. [16, с. 258]. В праве на репатриацию было отказано

японским семьям, имеющим в своём составе лиц корейской национальности, так как корейское население репатриации не подлежало. Небольшое количество японцев добровольно изъявили желание остаться и впоследствии получили советское гражданство. Но некоторые японцы (чаще всего женщины) не смогли выехать из-за болезни детей или необходимости ухода за престарелыми родителями.

В 1946 г. началась официальная кампания по переселению на Южный Сахалин и Курилы советских граждан. 7 апреля 1946 г. Совет Министров СССР принял Постановление № 776 по организации переселения на Южный Сахалин 4000 семей из центральных областей России [18, с. 93—94]. Но количество прибывающих было недостаточным для поддержания экономики острова, поэтому правительство Сахалинской области часто шло на уступки в изменении темпов репатриации, вследствие чего она затянулась. Таким образом, на протяжении почти 4 лет японцы жили в тесном взаимодействии с русскими и представителями других республик СССР. О том, как осуществлялось это взаимодействие, подробно рассказывается в мемуарах первого начальника Гражданского управления на Южном Сахалине Д.Н. Крюкова. Местным жителям и переселенцам не только приходилось работать бок о бок, большинство последних из-за отсутствия жилья даже размещались в домах японцев. Невзирая на культурно-цивилизационную инаковость поселенцев, «управление не получило ни одной жалобы с той и другой стороны, и не возникало ни одного крупного конфликта...» [6, с. 54]. Советское руководство стремилось заручиться лояльностью японского населения, вело активную идеологическую обработку последнего, но интимные отношения, а тем более браки местных жителей с японцами строжайше запрещало [6, с. 59—60]. Поэтому говорить о возникновении русско-японских союзов, за исключением немногочисленных случаев, в этот период нельзя.

Иначе обстояло дело с оставшимися японцами и корейцами. По свидетельству исследовательницы проблем репатриантов с Сахалина Светланы Пайчадзе, «число японо-корейских браков, заключённых уже после войны, намного превышает количество довоенных браков» [26, р. 202]. Иногда выходить замуж за корейцев японок вынуждали родители, которые боялись, что их незамужние дочери подвергнутся сексуальному насилию со стороны советских военнослужащих. Другие японки были просто запуганы корейскими мужчинами, угрожавшими раскрыть японское происхождение женщины или написать донос на членов её семьи с обвинениями в антисоветской деятельности и шпионаже [26, р. 202]. Но основными мотивами для заключения браков всё же являлись взаимные чувства и необходимость в поддержке. Так, например, одинокой женщине, особенно имеющей на руках малолетних детей или престарелых родителей, выживать было гораздо труднее, чем замужней. Что касается корейских мужчин, то брак с японкой давал им шанс выехать в Японию, а оттуда уже вернуться на родину, в Корею. Такой шанс им представился в период второй волны репатриации 1957—1959 гг., последовавшей после подписания «Совместной декларации СССР и Японии», которая предусматривала, что Советским

государством будут «освобождены и репатриированы в Японию» остающиеся ещё в СССР японские граждане. «Всего же в 1957—1959 годах с территории Сахалинской области в Японию было репатриировано 2300 человек, из них лиц японской национальности 604 человека, с ними членов семей корейской национальности — 456 человек, при них детей до 16-летнего возраста — 1240 человек» [16, с. 259].

Представление о том, насколько тесно переплелись судьбы корейской и японской общин на Сахалине, может дать так называемый «Список „чистых“ японцев», составленный в 2013 г. японским «Обществом связей с соотечественниками „Япония — Сахалин“» во время поиска японцев, живущих на Сахалине. В этом документе содержится информация об имени, дате и месте рождения, адресе на Сахалине и адресе родственников в Японии. Список насчитывает 173 чел., 39 мужчин и 134 женщины, родившихся между 1908 и 1946 гг. Местом их рождения значатся Сахалин, Хоккайдо и другие префектуры Японии. Они жили в различных районах Сахалина и либо имели советское гражданство, либо не имели гражданства вовсе.

Таблица 1

Антропонимические данные сахалинских японцев, 2013 г.

Имена и фамилии	Мужчины	Женщины	Не имеющие гражданства
Японские имя и фамилия	24	44	2
Корейская фамилия	—	29	3
Корейское имя	—	1	—
Корейские имя и фамилия	5	48	12 (все женщины)
Русская фамилия	4	14	—
Русское имя	2	—	—
Русские имя и фамилия	—	—	1

Сост. по: [26, р. 203].

Из таблицы видно, что у многих «чистых» японцев корейская фамилия либо полностью корейское имя. Этому существует несколько причин. Во-первых, после войны некоторые японцы, особенно бывшие военные и члены их семей, скрывали своё происхождение, опасаясь обвинений в шпионаже, поэтому меняли имена. Другие боялись дискриминации со стороны корейцев. Смена фамилии без изменения имени может объясняться замужеством: корейские фамилии имеют 29 женщин. У 14 женщин и 4 мужчин русские фамилии: в этом случае наиболее вероятной причиной является принятие советского гражданства и получение паспорта. Среди тех, у кого корейские имя и фамилия, 48 женщин и 5 мужчин. Все пятеро мужчин родились в 1940-х гг., поэтому можно предположить, что их имена изменили при усыновлении корейцами. Для женщин также

существовала возможность удочерения или брака. Те из них, кто родились в 1920-х гг., были, скорее всего, жёнами корейцев. А для появившихся на свет в 1930—1940-х гг. имелись обе возможности: удочерение корейскими отцами и замужество. В списке значатся 12 женщин с корейскими именем и фамилией и без гражданства. Наиболее вероятной причиной является то, что по просьбе мужа или по собственной инициативе они отказались от принятия гражданства, чтобы уехать в Корею [26, р. 202—204].

Как признаются сами исследователи, данный список далеко не полон, однако в нём отчётливо отражён основной тренд — переплетение корейского и японского сообществ.

Взаимосвязи между общинами, существовавшие до войны, стали ещё более интенсивными после неё. В новых исторических условиях их сближала общая принадлежность к восточноазиатской «рисовой» цивилизации, что обусловило сходство многих культурных паттернов, в том числе и в области семьи и семейных отношений. В Японии и Корею семья являлась основной социальной единицей, и высшая ответственность за привитие социально приемлемых норм поведения лежала именно на ней. Религиозная жизнь начиналась и в основном концентрировалась в семье. За исключением синтоизма в Японии, конфуцианство и буддизм формировали базовые социо-религиозные принципы в обеих странах. Модель семьи и образ жизни были в основе своей сходными, различия наблюдались в таких деталях, как пищевые традиции, одежда, некоторые обряды [24, р. 280—285]. Немаловажным обстоятельством стало то, что в течение нескольких довоенных десятилетий корейцы и японцы являлись гражданами одного государства, принудительная японизация и обязательное начальное образование с упором на изучение японского языка привели к тому, что многие корейцы свободно говорили на нём.

На Карафуто в смешанных японо-корейских семьях основным языком семейного общения был японский. После войны японские школы ликвидировали, на их месте открылись русские и корейские образовательные учреждения. Дети из японских и японо-корейских семей посещали как корейские, так и русские школы. Хотя корейские школы были советскими и преподавание в них осуществлялось в соответствии с идеологией СССР, детей учили на корейском языке, используя нормы и обычаи корейского общества. Таким образом, корейские школы играли важную роль в формировании и распространении корейской идентичности. К.Х. (муж., 1945 г.р.): *«Дома родители разговаривали на японском языке. Я учился в корейской школе, по-японски в школе нам не разрешали разговаривать. Учиться было трудно, книг не было, учителя строгие, многие не имели специального высшего образования. Большинство предметов было на корейском языке, но и русский — обязательно, 3—4 раза в неделю. Японский сейчас забыл, да и корейский не очень хорошо знаю»* [29].

Объективно корейцы и японцы на Сахалине в послевоенный период в присутствии славянского большинства старались искать партнёра в расово и культурно близкой среде. Эта тенденция присутствует и в настоящее время, особенно среди старшего поколения. Из интервью с Б.С. (муж., 1950 г.р.)

(мать — японка, отец — кореец, жена — кореянка, трое детей, все в браке с корейцами): *«Сейчас японцев тут почти нет. Думаю, лучше с корейской кровью связаться, чем с ещё какой-нибудь»* [29]. Н.К. (муж., 1956 г.р.) (бабушки — японки, оба деда — корейцы; был в браке с русской, в котором родились две дочери; развёлся, женился на кореянке) делится своим опытом семейной жизни: *«Жениться всё-таки надо на своей крови»* [29]. В то же время более молодое поколение всё чаще выбирает в качестве брачных партнёров русских. Из интервью с В.К. (муж., 1985 г.р.): *«Ж.Б., Г.Е.: Среди Ваших родственников, друзей, знакомых много смешанных пар? В.К.: Да, достаточно много. Все мои двоюродные братья женаты на русских»* [29]. Из интервью с А.К. (жен., 1968 г.р.): *«Ж.Б., Г.Е.: Как Ваши родители отнеслись к тому, что Вы решили выйти замуж за русского? А.К.: Сначала настороженно, но ультиматумов никаких не ставили. Но у нас сейчас это дело практически обычное и мало кто обращает на это внимание»* [29]. Основной причиной того, что потомки японцев и корейцев в выборе брачного партнёра выходят за рамки своей этнической группы, следует считать высокую степень интеграции японцев и корейцев Сахалина в российское общество. Немаловажным обстоятельством является эрозия традиционных семейных ценностей: беспрекословное подчинение воле родителей, наблюдавшееся в корейских семьях, постепенно остаётся в прошлом.

В случае же с японцами свою роль также сыграло и дальнейшее сокращение общины вследствие выезда бывших японских граждан в Японию на постоянное место жительства по частным заявлениям и после двух официальных репатриаций. Так, в 1960-е гг. выехало ещё около 400 чел. Из интервью с Б.С. (муж., 1950 г.р.): *«Моя мама — японка, родилась на Сахалине, в г. Углегорске, в 1926 г. Родители мамы в 1946 г. уехали, а мама осталась, потому что у неё муж был кореец и им не дали выезд. Потом я родился, так и остались. Деталей я не знаю, мама почти ничего об этом не рассказывала. Помню, что они всё время хотели уехать, собрались, когда мне было лет 12–13, но их не отпустили. По законодательству, по достижении 18 лет я имел право выбирать, уехать или остаться. Тогда пионерия, комсомол, агитация большая была. Я не захотел поехать. Уехали они в 1968 г. К тому времени я закончил среднюю школу, училище, знал, что останусь один. После их отъезда и практически до 1990-х гг. я вообще ничего не знал о них, поскольку не было ни писем, ничего»* [29].

Ещё одна заметная «волна» репатриации японцев с Сахалина приходится на 1990-е гг. Экономический и социальный коллапс, наблюдавшийся после развала Советского Союза на всей территории России, на Дальнем Востоке имел особенно тяжёлые последствия. Закрытие многих заводов и фабрик на Сахалине привело к массовой безработице и резкому ухудшению жизненных условий, осложнявшихся постоянными перебоями с электроэнергией и теплоснабжением. Начался массовый отток населения с острова. В 1989 г. на Сахалине была создана Ассоциация соотечественников, сейчас называемая «Общество „Сахалин — Хоккайдо“», которая занялась организацией помощи для переселения японцев Сахалина на историческую

родину. В Японии в 1994 г. приняли закон о содействии переселению соотечественников из Китая, под действие которого попали и репатрианты с Сахалина. Правительственная программа разрешала пожилым переселенцам привозить с собой одного взрослого ребёнка и его семью при условии, что они будут ухаживать за родителями (бабушками/дедушками). Таким образом, в Японию переезжали уже второе и третье поколения японцев. Из интервью с Е.Ё. (жен., 1956 г.р.): *«Е.Ё.: Мама — японка, родилась на Сахалине в 1935 г. Отца я не помню, меня с двух лет воспитывал отчим-кореец. У меня два брата. Сейчас все живут в Японии, уехали в 1996 г. Там у мамы уже правнуки родились. Ж.Б., Г.Е.: Почему Вы не уехали? Е.Ё.: Мой муж — кореец, он врач, а там наши советские медицинские дипломы не „котируются“. Но позже мы с сыновьями поехали к маме в Японию, прожили год, потом вернулись обратно. Младший сын, ему тогда 17 лет было, не захотел там жить и рвался домой, на Сахалин. Старший тоже вернулся с нами, затем вновь уехал в Японию, прожил там ещё 4 года, занимался бизнесом, а когда „стукнул“ кризис, вернулся домой»* [29].

С 2000 г. также началось переселение корейцев в Южную Корею, где на деньги японского правительства для них выстроили целую деревню Ансан [3, с. 213—217]. Но, в отличие от Японии, в Южную Корею было разрешено переселяться только первому поколению сахалинских корейцев. В целом результатом этих репатриаций стала проблема «разделённых семей». По словам А.К. (жен., 1968 г.р.), *«многие корейские семьи на Сахалине лишились бабушек и дедушек. Целый пласт поколений выпал из жизни семей»* [29]. Но это касается не только корейцев. История самой А.К. тому подтверждение: *«А.К.: Мои родители уже давно живут на Хоккайдо, с 2000 г. Папа нашёл подтверждение в архивах, что он японец, и они с мамой уехали. Мы тоже с сестрой могли репатриироваться, но не захотели. Ж.Б., Г.Е.: Почему? А.К.: Японского языка я не знаю, муж у меня русский, профессия у меня специфическая — учитель русского языка и литературы»* [29].

Таким образом, из жизни потомков сахалинских японцев и корейцев уходит старшее поколение, являющееся носителем языка и традиций, всё чаще семьи становятся нуклеарными. Многопоколенная семья имеет больше шансов сохранить культуру и язык, так как каждое последующее поколение в иноэтническом окружении становится всё более ассимилированным. Для совместного проживания трёх и более поколений нужен родной язык как средство внутрисемейного общения.

Нередко в смешанных семьях практикуется двуязычие. Его распространение обусловлено как явлениями объективного порядка, а именно конкретным местом жительства и определённой этнической микросредой, так и различными субъективными факторами, например предпочтительностью употребления того или иного языка взрослыми членами семьи и целенаправленным влиянием их родственников [11, с. 49]. Наши исследования показали, что у потомков смешанных японо-корейских семей, родившихся или выросших на российском Сахалине, языком повседневного общения в основном

является русский, в подавляющем большинстве они не владеют японским, многие плохо знают и корейский, если только владение этими языками не связано с их профессиональной или общественной деятельностью.

Из интервью с Е.Ё. (жен., 1956 г.р.): *«Е.Ё.: Моя мама работала швейёй в ателье. Её все звали по-русски Соня (японское имя — Юрико). Дома мы говорили только по-русски... Отдыхала я как-то в Крыму, там познакомилась с женщиной из г. Иваново. Спрашивает меня: „Вы откуда?“ „С Сахалина“. Она спрашивает: „Вы по национальности кто?“ Отвечаю: „Корейка, но вообще, мама — японка, отец — кореец“. „А на каком языке Вы умеете разговаривать?“ Я говорю: „Только по-русски“. Она удивляется: „А почему?!“. У неё самой польские корни, она учила детей польскому языку, поэтому её дочь за поляка и вышла замуж. Она говорит, что родной язык забывать нельзя. Я подумала, действительно, родной язык забывать нельзя, но если мама с нами с детства разговаривала только по-русски, какой язык тогда считать родным? Ж.Б., Г.Е.: А корейский язык Вы не учили? Е.Ё.: Когда я была маленькая, меня взяла на воспитание бабушка-корейка. Я у неё прожила 2 года. В посёлке, где мы жили, все разговаривали по-корейски, дома мы тоже говорили по-корейски. Потом мама забрала меня обратно в город, я пошла в школу, и корейский язык забылся напрочь. Тогда уже не было корейских школ⁴. Потом, когда появился интернет, телевизионные передачи на корейском с титрами, я стала потихоньку вспоминать. Понимаю много, но говорить не могу, стоит какой-то барьер» [29].*

Необходимость адаптации в русскоязычном сообществе, отъезд или уход из жизни представителей старшего поколения приводили к утрате языков. Из интервью с В.К. (муж., 1985 г.р.): *«В.К.: Моя мама (1957 г.р.) говорит, что у них в доме разговаривали только на японском, несмотря на то, что дед (мамин отец) — кореец. Но мама мало говорит по-японски, плохо говорит и по-корейски. После войны родители матери поняли, что уехать не удастся, и приняли советское гражданство. А вот родители отца всё время хотели уехать, и гражданство отец получил уже где-то ближе к 1990-м гг. По материнской линии все достаточно неплохо говорили по-русски, а все родственники по отцовской линии, включая моего отца, по-русски говорили плохо. Скорее всего, те родители, которые стремились уехать, не видели смысла учить детей русскому языку; а те, кто твёрдо решил остаться, хотели лучше социализировать своих детей. Может быть, они делали это неосознанно, но, тем не менее, факт налицо. Тётя отца училась долгое время в корейской школе, отец тоже начинал учиться в корейской школе, но его потом перевели. Отец владел и корейским, и японским языками. К нам приезжали японцы-учёные, их тоже интересовали вопросы владения японским языком, так отец с ними неплохо общался. Ж.Б., Г.Е.: А дома родители на каком языке говорили? В.К.: В основном на русском. На работе им приходилось по-русски общаться. Ж.Б., Г.Е.: Вас родители не пытались учить*

⁴ Корейские школы были закрыты в 1964 г.

языкам? В.К.: Я раньше говорил по-корейски, пока была жива бабушка. И с бабушкой родители разговаривали по-корейски. Пока были живы носители языка, то мы на нём говорили» [29].

Невладение или недостаточное владение «родным» языком, вероятно, послужили причиной того, что он не является референтным маркером этничности для наших респондентов. Наиболее чётким критерием выступает идентичность одного из родителей, а также ближайшее этническое окружение. В целом ответы респондентов продемонстрировали, что процесс выбора своей идентификации у потомков смешанных семей подвергается рефлексии и имеет несколько аспектов или условий.

Е.Ё. (жен., 1956 г.р.): «Я считаю себя корейкой. Папа — кореец, значит, и мы тоже. А вообще мы родились и выросли в России и всегда считали себя россиянами, не русскими, но россиянами. Ж.Б., Г.Е.: А кем себя считают Ваши сыновья? Е.Ё.: Корейцами, хотя зависит от ситуации. Иногда они вспоминают, что их бабушка — японка» [29].

Б.С. (муж., 1950 г.р.): «В паспорте написано, что я японец, кровь у меня японская, но вся моя жизнь прошла среди корейцев. В принципе, мы все (потомки японцев. — Ж.Б., Г.Е.) здесь уже корейцы. У меня было две фамилии: корейская и японская. Но потом оставил только японскую⁵. Ж.Б., Г.Е.: А русские черты у Вас есть? Б.С.: Конечно, мы живём в России, и менталитет у нас русский, поэтому нам уже нельзя переезжать в Японию, там совсем другой менталитет и жизнь другая» [29].

А.К. (жен., 1968 г.р.): «Кто я по национальности? Сложно сказать. Я бываю часто и в Корее, и в Японии. Иногда мне кажется, что во мне больше японского, иногда — корейского. Ж.Б., Г.Е.: Какие японские черты Вы у себя находите? А.К.: У меня потребность в большом личном пространстве (некая зона психологического комфорта. — Ж.Б., Г.Е.), поэтому в Японии мне очень комфортно, там никто не будет его нарушать, приставать с вопросами, шуметь, толкать, их деликатность мне очень импонирует. Также для меня важны такие ценности, как имя, честь. Но, с другой стороны, они очень „закрытые“, корейцы всё же более эмоциональные. Ж.Б., Г.Е.: В ходе переписи 2010 г. переписчики спрашивали национальность. Кем Вы себя указывали? А.К.: Корейка. У меня фамилия Ким. Бабушка вышла замуж за корейца, и у отца была корейская фамилия. Скорее я немного японка, немного корейка, немного русская. Ж.Б., Г.Е.: А кем тогда будут считаться Ваши дети, принимая во внимание, что Ваш муж русский? А.К.: Учитывая, что внешне они — метисы, то, скорее, азиаты» [29].

Очевидно, что для выходцев из этнически смешанных семей характерна сложная структура самоидентификации. В нашем случае потомки японо-корейских семей Сахалина сильнее склоняются к своей корейской идентичности (именно её они считают базовой), поскольку в силу малочисленности японской общины вся их социализация проходила в корейской среде.

⁵ В таком случае легче получить возможность для поездок в Японию к родственникам.

Однако некоторые не отрицают и своей «японскости», особенно если поддерживают постоянную связь с родственниками из Страны восходящего солнца. Вместе с тем сахалинские японцы и корейцы всю жизнь прожили в России и признают наличие у себя «российского» менталитета.

Японская колония Карафуто, для освоения которой широко привлекалась корейская рабочая сила, стала местом формирования японо-корейского жизненного пространства, в том числе через создание смешанных браков. Репатриация большинства японцев после включения Южного Сахалина в состав СССР привела к увеличению числа японо-корейских браков и постепенному «растворению» оставшихся японцев в корейском сообществе. Вызовы «репатриации» с увеличением временного промежутка становятся всё более серьёзными, множественная идентичность людей при этом усиливается, как у отдельных индивидов (например, у тех, кто начал учиться в японской школе до 1945 г., а окончил уже русскую или корейскую после 1945 г.), так и в общине/семье (мультикультурный характер семей становится ещё более сложным через брак потомков японо-корейских семей с русскими).

Этничность как форма идентичности у представителей культурно сложных семей фронтальной территории о. Сахалин имеет ярко выраженный множественный характер. Референтными маркерами этничности для них являются не языковые и культурные отличия, а представления о «крови» родителей: *«Я считаю себя корейкой. Папа — кореец»*, о родине: *«Родились и выросли в России — всегда считали себя россиянами»*, этническое окружение: *«Кровь у меня японская, но вся моя жизнь прошла среди корейцев. В принципе, мы все (потомки японцев. — Ж.Б., Г.Е.) здесь уже корейцы»*, внешний облик: *«Учитывая, что внешне они (дети. — Ж.Б., Г.Е.) метисы, то, скорее, азиаты»* [29].

Как видим, в этнической сфере у представителей смешанных семей Сахалина присутствуют разные стратегии и возможности самоопределения. Этничность зависит от ситуации: *«Сыновья считают себя корейцами, хотя зависит от ситуации. Иногда они вспоминают, что их бабушка — японка»*; *«Я русская корейского происхождения»* [29]. Этничность становится множественной, более индивидуализированной, динамичной и изменчивой: *«Скорее я немного японка, немного корейка, немного русская»* [29].

Для Ф.Дж. Тёрнера фронт — это «процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и окружающей среды» [20, с. 23—27]. В результате взаимодействия этих трёх составляющих возникла новая социальная общность и новая культура. На разных исторических этапах на о. Сахалин исполнители ролей «колонизаторов» и «местного населения» менялись, и сегодня там сформировалось самобытное сообщество с ярко выраженной региональной идентичностью — «сахалинцы». *«Когда я навещаю родственников в Японии, то всегда стремлюсь вернуться обратно на Сахалин. Здесь родина, друзья. Сахалинский менталитет отличается от менталитета людей из других регионов России»*. *«На Сахалине сложилась новая национальность — сахалинцы»* [29].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005. 334 с.
2. Воробьёва Т.В. Восточный фронт России // Вестник КРАУНЦ. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 1 (19). С. 5—14.
3. Дин Ю.И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2015. 332 с.
4. Дин Ю.И. Корейцы Сахалина в поисках идентичности (1945—1989 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 6 (128). С. 237—249.
5. Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнеустройства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 462 с.
6. Крюков Д.Н. Гражданское управление на Южном Сахалине и Курильских островах. 1945—1948 гг. (очерки и воспоминания) / отв. ред. Т.П. Роон. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2012. 170 с.
7. Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев. В 3 кн. Кн. 1. Иммиграция и депортация (вторая половина XIX в. — 1937 г.). Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2010. 262 с.
8. Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев. В 3 кн. Кн. 2. Интеграция и ассимиляция (1945—1990 гг.). Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2010. 336 с.
9. Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев. В 3 кн. Кн. 3. Этническая консолидация на рубеже XX—XXI вв. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2010. 384 с.
10. Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 384 с.
11. Кутявина Е.Е., Малышева С.К. Разноэтническая семья как среда формирования этнической идентичности личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 2 (18). С. 47—52.
12. Мики М. Карафутто в системе Японских колоний // Россия и островной мир Тихого океана. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2009. Вып. I. С. 144—148.
13. Миссонова Л.И. Этническая идентификация населения Сахалина: от переписи А.П. Чехова 1890 года до переписей XXI века // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2010. Вып. 223. 88 с.
14. Пак Сын Ы. Проблемы идентификации сахалинской корейской молодёжи // «Мозаика культур»: теория и практика поликультурного диалога в Азиатско-Тихоокеанском интеграционном поле: материалы международной научно-практической конференции. 20—25 марта 2009 г., Южно-Сахалинск: СОИПиПКК, 2009. С. 39—41.
15. Пак Сын Ы. Сахалинская корейская семья: от традиционной к современной // Феномен творческой личности в культуре: материалы II международной конференции. М.: МГУ, 2006. С. 133—141.
16. Подпечников В.Л. О репатриации японского населения с территории Южного Сахалина и Курильских островов // Вестник Сахалинского музея. 2003. Вып. 10. С. 257—260.

17. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI — начало XX: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005. 193 с.
18. Савельева Е.В. От войны к миру (гражданское управление на Южном Сахалине и Курильских островах. 1945—1947 гг.). Южно-Сахалинск: Министерство культуры Сахалинской области, 2012. 112 с.
19. Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронта // Известия Алтайского гос. ун-та. 2011. № 4. С. 189—193.
20. Тёрнер Ф.Дж. Фронт в американской истории / пер. с англ. А.И. Петренко. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
21. Хромых А.С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // *Magistra vitae*. 2008. № 5. С. 106—112.
22. Чернавская В.Н. «Восточный фронт» России XVII — начала XVIII века: историко-историографические очерки. Владивосток: Дальнаука, 2003. 175 с.
23. Bull J. Occupation-era Hokkaido and the Emergence of the Karafuto Repatriate. The Role of Repatriate Leaders // *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin* / ed. by S. Paichadze, Ph.E. Seaton. London: Routledge, 2015. P. 63—79.
24. Chang Sh.R. A Comparative Study of Korean and Japanese Family Life: PhD in hist. sci. diss. URL: https://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1524&context=gradschool_disstheses (дата обращения: 15.09.2018).
25. Din Yu. Dreams of Returning to the Homeland: Koreans in Karafuto and Sakhalin // *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin* / ed. by S. Paichadze, Ph.E. Seaton. London: Routledge, 2015. P. 177—194.
26. Hyun M., Paichadze S. Multi-layered Identities of Returnees in their “Historical Homelands”. Returnees from Sakhalin // *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin* / ed. by S. Paichadze, Ph.E. Seaton. London: Routledge, 2015. P. 195—211.
27. Nakayama T. Japanese on Karafuto // *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin* / ed. by S. Paichadze, Ph.E. Seaton. London: Routledge, 2015. P. 19—41.
28. Saveliev I.R. Border, Borderlands and Migration in Sakhalin and Priamur Region. A Comparative Study // *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin* / ed. by S. Paichadze, Ph.E. Seaton. London: Routledge, 2015. P. 42—62.
29. Личн. арх. Ж.М. Баженовой и Г.Г. Ермак.

REFERENCES

1. Ageev A.D. *Sibir' i amerikanskij Zapad: dvizhenie frontirov* [Siberia and American West: Movement of Frontiers]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2005, 334 p. (In Russ.)
2. Vorob'eva T.V. Vostochnyj frontir Rossii [Eastern Frontier of Russia]. *Vestnik KRAUNC*, series “Gumanitarnye nauki”, 2012, no. 1 (19), pp. 5—14. (In Russ.)
3. Din Yu.I. *Korejskaya diaspora Sahalina: problema repatriacii i integraciya v sovetskoe i rossijskoe obshchestvo* [Korean Diaspora of Sakhalin: the Issue of Repatriation and Integration into Soviet and Russian Society]. Yuzhno-Sahalinsk, Sahalinskaya oblastnaya tipografiya Publ., 2015, 332 p. (In Russ.)
4. Din Yu.I. Korejcy Sahalina v poiskah identichnosti (1945—1989 gg.) [The Koreans of Sakhalin in Search of Identity (1945—1989)]. *Vestnik RGGU*, series “Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie”, 2014, no. 6 (128), pp. 237—249. (In Russ.)

5. Zabiyaiko A.A., Zabiyaiko A.P., Levoshko S.S., Hisamutdinov A.A. *Russkij Harbin: opyt zhizneustrojstva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: Experience of Life Order under Far Eastern Frontier]. Blagoveshchensk, Amurskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2015, 462 p. (In Russ.)
6. Kryukov D.N. *Grazhdanskoe upravlenie na Yuzhnom Sahaline i Kuril'skih ostrovah. 1945—1948 gg. (ocherki i vospominaniya)* [Civil Administration in South Sakhalin and the Kuril Islands. 1945—1948 (Essays and Memories)]. Ed. by T.P. Roon. Yuzhno-Sahalinsk, Sahalinskij oblastnoj kraevedcheskij muzej Publ., 2012, 170 p. (In Russ.)
7. Kuzin A.T. *Istoricheskie sud'by sahalinskih korejcev*. In 3 books. Book 1. *Immigraciya i deportaciya (vtoraya polovina XIX v. — 1937 g.)* [Historical Destinies of the Sakhalin Koreans: Monograph: in Three Books. The First Book. Immigration and Deportation (the Second Half of the 19th Century — 1937)]. Yuzhno-Sahalinsk, Sahalinskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2010, 262 p. (In Russ.)
8. Kuzin A.T. *Istoricheskie sud'by sahalinskih korejcev*. In 3 books. Book 2. *Integraciya i assilyaciya (1945—1990 gg.)* [Historical Destinies of the Sakhalin Koreans: Monograph: in Three Books. The Second Book. Integration and Assimilation (1945—1990)]. Yuzhno-Sahalinsk, Sahalinskoe knizhnoe izd-vo Publ., 2010, 336 p. (In Russ.)
9. Kuzin A.T. *Istoricheskie sud'by sahalinskih korejcev*. In 3 books. Book 3. *Etnicheskaya konsolidaciya na rubezhe XX—XXI vv.* [Historical Destinies of the Sakhalin Koreans: Monograph: In Three Books. The Third Book. Ethnic Consolidation between the 20th and 21st Centuries]. Yuzhno-Sahalinsk, Lukomor'e Publ., 2010, 384 p. (In Russ.)
10. *Kul'turnaya slozhnost' sovremennyh natsii* [Cultural Complexity of Modern Nationalities]. Ed. by V.A. Tishkov, E.I. Filippova, Institut etnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaya RAN. Moscow, Politicheskaya enciklopediya Publ., 2016, 384 p. (In Russ.)
11. Kutyavina E.E., Malysheva S.K. *Raznoetnicheskaya sem'ya kak sreda formirovaniya etnicheskoj identichnosti lichnosti* [Multi-Ethnic Family as an Environment for Ethnic Identity Formation of the Personality]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, series "Social'nye nauki", 2010, no. 2 (18), pp. 47—52. (In Russ.)
12. Miki M. *Karafuto v sisteme Yaponskih kolonij* [Karafuto in the System of Japanese Colonies]. *Rossiya i ostrovnoj mir Tihogo okeana* [Russia and the Insular World of the Pacific Ocean]. Yuzhno-Sahalinsk, Sahalinskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2009, iss. 1, pp. 144—148. (In Russ.)
13. Missonova L.I. *Etnicheskaya identifikaciya naseleniya Sahalina: ot perepisi A.P. Chekhova 1890 goda do perepisej XXI veka* [Ethnic Identification of the Population of Sakhalin: from A.P. Chekhov's Population Census of 1890 to Censuses of the 21st Century]. *Issledovaniya po prikladnoj i neotloznoj etnologii* [Research on Applied and Immediate Ethnology]. Moscow, IEHA RAN Publ., 2010, iss. 223, 88 p. (In Russ.)
14. Pak Syn Y. *Problemy identifikacii sahalinskoj korejskoj molodezhi* [Challenges of Identification of Sakhalin Korean Young Generation]. *"Mozaika kul'tur": teoriya i praktika polikul'turnogo dialoga v Aziatsko-Tihookeanskom integracionnom pole: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 20—25 marta 2009 g.* Yuzhno-Sahalinsk ["Cultural Mosaic": Theory and Practice of Multicultural Dialogue in the Asia-Pacific Integrative Space: Proceedings of the International Applied Research Conference, 20—25 March, 2009, Yuzhno-Sahalinsk]. Yuzhno-Sahalinsk, SOIPiPKK Publ., 2009, pp. 39—41. (In Russ.)
15. Pak Syn Y. *Sahalinskaya korejskaya sem'ya: ot tradicionnoj k sovremennoj* [Sakhalin Korean Family: from Traditional to Modern Family]. *Fenomen tvorcheskoj lichnosti*

- v kul'ture: materialy II mezhdunarodnoj konferencii* [Phenomenon of Creative Personality in Culture: Proceedings of the Second International Conference]. Moscow, MGU Publ., 2006, pp. 133–141. (In Russ.)
16. Podpechnikov V.L. O repatriacii yaponskogo naseleniya s territorii Yuzhnogo Sahalina i Kuril'skih ostrovov [Repatriation of the Japanese Population from the Territory of South Sakhalin and the Kuril Islands]. *Vestnik Sahalinskogo muzeya*, 2003, iss. 10, pp. 257–260. (In Russ.)
  17. Rezun D.Ya., Shilovskij M.V. *Sibir', konec XVI – nachalo XX: frontir v kontekste ethnosocial'nyh i ethnokul'turnyh processov* [Siberia, the End of the 16th Century – the Beginning of the 20th Century: Frontier in the Context of Ethnosocial and Ethnocultural Processes]. Novosibirsk, Sova Publ., 2005, 193 p. (In Russ.)
  18. Savel'eva E.V. *Ot vojny k miru (grazhdanskoe upravlenie na Yuzhnom Sahaline i Kuril'skih ostrovah. 1945–1947 gg.)* [From War to Peace (Civil Administration in South Sakhalin and the Kuril Islands. 1945–1947)]. Yuzhno-Sahalinsk, Ministerstvo kul'tury Sahalinskoj oblasti Publ., 2012, 112 p. (In Russ.)
  19. Soboleva T.N., Bobrov D.S. Sovremennaya rossijskaya istoriografiya koncepcii frontira [Modern Russian Historiography of the Concept of the Frontier]. *Izvestiya Altaj-skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 4, pp. 189–193. (In Russ.)
  20. Terner F.Dzh. *Frontir v amerikanskoj istorii* [Frontier in American History]. Transl. by A.I. Petrenko. Moscow, Ves' mir Publ., 2009, 304 p. (In Russ.)
  21. Hromyh A.S. Problema “sibirskogo frontira” v sovremennoj rossijskoj istoriografii [The Problem of “Siberian Frontier” in Modern Russian Historiography]. *Magistra vitae*, 2008, no. 5, pp. 106–112. (In Russ.)
  22. Chernavskaya V.N. “Vostochnyj frontir” Rossii XVII – nachala XVIII veka: istoriko-istoriograficheskie ocherki [“Siberian Frontier” of Russia in the 17th Century – at the Beginning of the 18th Century: Historical and Historiographic Essays]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, 175 p. (In Russ.)
  23. Bull J. Occupation-era Hokkaido and the Emergence of the Karafuto Repatriate. The Role of Repatriate Leaders. *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin*. Ed. by S. Paichadze, Ph.E. Seaton. London, Routledge Publ., 2015, pp. 63–79. (In Eng.)
  24. Chang Sh.R. *A Comparative Study of Korean and Japanese Family Life*. PhD in hist. sci. diss. URL: https://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1524&context=gradschool_disstheses (accessed 15.09.2018). (In Eng.)
  25. Din Yu. Dreams of Returning to the Homeland: Koreans in Karafuto and Sakhalin. *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin*. Ed. by S. Paichadze, Ph.E. Seaton. London, Routledge Publ., 2015, pp. 177–194. (In Eng.)
  26. Hyun M., Paichadze S. Multi-layered Identities of Returnees in their “Historical Homelands”. Returnees from Sakhalin. *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin*. Ed. by S. Paichadze, Ph.E. Seaton. London, Routledge Publ., 2015, pp. 195–211. (In Eng.)
  27. Nakayama T. Japanese on Karafuto. *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin*. Ed. by S. Paichadze, Ph.E. Seaton. London, Routledge Publ., 2015, pp. 19–41. (In Eng.)
  28. Saveliev I.R. Border, Borderlands and Migration in Sakhalin and Priamur Region. A Comparative Study. *Voices from the Shifting Russo-Japanese Border. Karafuto/Sakhalin*. Ed. by S. Paichadze, Ph.E. Seaton. London, Routledge Publ., 2015, pp. 42–62. (In Eng.)